

БЕЗЖАЛОСТНЫЙ.
СВИДАНИЕ СО
ЗВЕРЕМ

АННА ВЛАДИМИРОВА

Анна Владимирова

Безжалостный.

Свидание со зверем

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

– По договору ты обязан меня отпустить, – шепчу я, сжавшись в комок. Не могу на него смотреть.

– Правда этого хочешь? – Его холодный голос все равно пускает сердце дергаться будто на углях.

Комната – моя бывшая тюрьма – замерла в тишине. Ничто нас с Рейном больше не держит здесь. И рядом друг с другом – тоже.

– Мои свидания с тобой окончены, контракт выполнен.

А под моим сердцем теперь бьется еще одно. Слишком маленькое, чтобы он почувствовал, но настолько важное, что я готова бежать от Рейна сломя голову, лишь бы он не догнал.

Я не хочу больше душу в клочьях...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	46
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Анна Владимировна Безжалостный. Свидание со зверем

Часть 1

Глава 1

Я даже не поняла, как все произошло. Крик врача дернул нервы с такой силой, что в глазах потемнело, но тело среагировало на автомате, и я рванулась в клетку, где оперировали заключенного...

Только я ведь знала, что не выживу, если окажусь рядом с этим мужчиной. В следующее мгновение уже хватала ртом воздух, оставшись без оружия и вцепившись обеими руками в его запястье, чтобы ослабить давление пальцев на горле.

– Все вышли, или ей конец, – прорычал он, прикрываясь мной.

Адреналин, казалось, выжег кровь в венах, готовя меня к последней битве за собственную жизнь. Я трепыхалась кроликом в лапе хищника, глядя смерти в лицо... Вернее, шаря взглядом по обескураженным лицам охранников и ни черта

не находя поддержки. Я бы и сама себя бросила. В этого заключенного запрещено стрелять на поражение. Поэтому последний раз ему и выстрелили в плечо. Но даже раненный он опасен. Смертельно. Каждому, кто окажется рядом...

Врач, ради которого я пожертвовала жизнью, успешно вылез из камеры – слабое, но хоть какое-то утешение.

– Девчонка моя. – Лапа на горле сжалась сильнее. – Я заявляю на нее права.

Я едва разбирала его слова, начиная сдаваться. Даром что мне почти недоступны звериные способности, но вот чувствовать силу этого заключенного зверя я могла. И она парализовала.

– Брайт! – Рев начальника охраны привел в чувства. – Девочка тебе ничего не сделала! Отпусти ее!

Я почувствовала лопатками, как дернулась грудная клетка мужчины в попытке сдержать смешок. Хоть и не видела сейчас того, кто держал меня за горло, чувствовать его спиной вряд ли бы добровольно предпочла.

Рейн Брайт был приговорен к заключению в Порт Роксмаут за массовое убийство. Но говорили, что на самом деле он учинил самосуд над работоторговцами, и правительство пыталось добиться от него подробностей. Казалось бы, просто слухи, но содержали его далеко не так, как обычных убийц. Меня приставили к основному составу его охраны, так как это казалось самым простым вариантом дать мне пройти стажировку.

Только наши с ним взгляды встречались все чаще, а он будто специально задерживал внимание на моем лице. И этот его интерес не давал спать ночами... Я видела его прозрачные льдистые глаза, промораживающие до самого сердца, и каждый раз спрашивала себя – какого черта я делаю тут? Никогда не встречала никого опасней. Надо было сдаваться, признавать, что не под силу мне такая стажировка, и бежать отсюда без оглядки...

Только стало поздно.

– Она тебе все равно не нужна, – усмехнулся Рейн в ответ. – А мне сгодится.

– Сволочь, – бессильно прорычал мой начальник.

– Ей понравится, – хрипло пообещал Рейн. – А если понравится мне, завтра на ней будет мое клеймо, а у тебя – радостная новость для твоего начальства... Первая за три месяца...

Понимала ли я, о чем они говорили? С трудом. Мой взгляд метался по камере в поисках хоть чего-нибудь, что мне поможет выдраться. Хуже смерти было только обнаружить себя в качестве предмета переговоров с убийцей.

– ...Ну что, начальник?.. – усмехнулся Рейн.

И я, чувствуя, что его хватка ослабела, дернулась со всей силы.

Руку прострелило болью, когда долбанула локтем в железобетонную брюшину и тут же наугад вцепилась в повязку на его плече, которую успел наложить врач. Рейн выпустил

меня, взревев от боли, и на какой-то момент показалось, что успею добежать до выхода из камеры. И ведь успела...

...только двери закрылись перед самым носом, и я больно приложилась локтями и ребрами о прутья. Кажется, грязно выругалась и дернула ручку двери со всей дури, но тщетно. Начальник стоял за ними и смотрел на меня таким взглядом, за который его хотелось пристрелить на месте. Или застрелиться самой.

– Нет! – орала я, хватаясь за прутья. – Нет!

Не сразу дошло, что перед камерой уже нет никого... а позади удивительно тихо...

Я развернулась к прутьям спиной, готовая кинуться на Рейна. Но тот встретил меня злым напряженным взглядом:

– Они всегда быстро продают своих, – усмехнулся, продолжая менять повязку.

Хорошо я ее дернула, если учесть, что не глядя. Все предплечье было в крови, и ладони Рейна тоже. Но это не тянуло на его слабость.

Мне не выжить...

Я тяжело сглотнула, осматриваясь. Камера у него с комфортом – большая, светлая, холодная... Есть где побегать. Случайная удача дурманила голову опасным вдохновением и надеждой, что могу ему противостоять. Будь у меня способность оборачиваться зверем, может, и смогла бы. А так я ему на один зуб.

– Что тебе нужно? – Вышло хрипло и жалко, зато иллюзий

я больше не питала.

– Ты, – даже не глянул он на меня.

А мой взгляд прикипел к мышцам его рук, перекатывающимся под смуглой кожей. Мне казалось, в военной академии я перевидала подобных стальных самцов, которые умели гнуть одним взглядом. Но у Рейна эта способность за пределами. Хотелось скулить и царапаться в двери, умоляя выпустить.

– Зачем?..

Я позорно задрожала, когда он посмотрел на меня снова. Только дрожь эта оказалась непривычной – неправильной, душной и предвкушающей. Рейн задержался взглядом на моей шее и принялся изматывать странным вниманием, будто медленно раздевая.

С ним любое притворство закончится моей безвременной кончиной. Хотя кто сказал, что ей не время?

Не успев толком подумать, я рванулась в угол мимо Рейна к своему пистолету – скользнула мимо, красиво проехав на коленке, и, схватив оружие, тут же наставила его на мужчину. Только он даже не дернулся на этот мой маневр.

– А теперь слушай, – усмехнулся, продолжая перевязывать рану, – сейчас ты прострелишь мне еще что-нибудь... – Он прервался, чтобы подтянуть зубами узел. – ... Прибежит охрана, тебя на время вытащат, меня снова заштопают... И отдадут тебя мне обратно.

– Хрен тебе, – сжала я корпус пистолета, не сводя прицела

с головы Рейна.

– Со мной ведут переговоры три месяца, предлагают золотые горы, чтобы я дал то, что им нужно, – усмехался он холодно. – Думаешь, пожалеют для меня одну девочку?

– Рот закрой... – рыкнула я, медленно двигаясь вдоль стенки.

Нервы дрожали от напряжения, ноги и руки тряслись. Я дышала загнанно и хрипло. А вот Рейн выглядел свежим – даже боль его не особо беспокоила, хотя, уверена, рана болела.

– Зря ты пытаешься мне приказывать, – оскалился он, поднимаясь, и шагнул в мою сторону. – Давай посмотрим, есть ли мозги в твоей симпатичной голове...

Несколько его шагов растянулись в вечность. Когда он уперся грудью в дуло моего пистолета, склоняя низко голову, ноздри забил густой аромат крови и мужского тела. Взгляд Рейна потемнел, а за прозрачным безразличием разверзлась бездонная тьма.

– Я превращу твою жизнь в ад, – хрипло пообещал он. – Но у меня нет другого варианта. Я слишком долго шел к этой цели...

Мои руки ослабли, и я опустила пистолет. Будто под гипнозом, пялилась на спокойно бившуюся вену на шее Рейна, понимая, что струсила – отдалась на его милость в надежде, что то, что меня ждет, будет лучше того, что предсказал он.

Но ни черта хорошего меня не ждало.

Рейн одним движением забрал у меня оружие и схватил за горло:

– Умница, – оскалился в лицо и тяжело сглотнул, склоняясь ниже. – Я не сделаю больно...

Дыхание сперло, а сердце, по ощущениям, остановилось, когда он потянул меня к себе и развернул рывком лицом к прутьям. Я вскрикнула и встала на носочки, чтобы хоть как-то ослабить его хватку. Молния куртки сдалась с одного рывка, и Рейн отбросил вещь в угол.

Только когда он взялся за футболку, я не выдержала. Развернувшись, поднырнула под его локоть, прокатилась кубарем по полу, ударилась о тележку с медицинскими инструментами и вжалась в стенку. Ножницы, выпавшие под ноги, охладили горящую ладонь, и я тут же зарядила их в медленно приближавшегося зверя.

Промазала.

И разозлила.

Рейн взял свое обещание назад и кинулся на меня, легко перехватил метнувшийся к его горлу кулак. Я взвизгнула, когда он заломил мне руку за спину, и задохнулась от нехватки воздуха...

Только все это было ерундой по сравнению с резким ударом боли в шею. Рейн сжал зубы, тяжело дыша, и мы сплелись в одно, слушая мою затухающую агонию...

У меня перед глазами все плыло и норовило провалиться в темноту. Из глаз брызнули слезы, губы задрожали в немом

крике, а по телу прошла зябкая дрожь.

Он решил меня загрызть?

Скорее всего... Потому что последнее, как я себе представляла метку самца – это вот так... на грани жизни и смерти.

Я почти не чувствовала, как он перехватил меня поперек ребер и понес куда-то. Тело наливалось тяжестью, а разум туманом. Боль таяла, впитывалась в кожу и плавилась в венах, растворяясь в незнакомом чувстве повиновения чужой силе.

Когда метку накрыли горячие губы, я вздрогнула и откинула голову, подставляя шею. Его рычание пустило волну мурашек и сбило дыхание. Я вцепилась пальцами в холодную простынь, когда он уложил меня на живот и зло рванул штаны. Рейн будто расправлялся с добычей – содрал с меня одежду, белье, грубо растолкал ноги шире... и бесцеремонно запустил руку между них, врываясь с силой жесткими пальцами. Я вскрикнула и дернулась, с удивлением понимая, что меня больше не держат.

В голове немного прояснилось – ровно настолько, что я смогла дернуться и перевернуться на спину... чтобы заглянуть Рейну в глаза. Он замер, зло щурясь. Удивлен, что я – девственница? Захотелось потерять сознание, потому что то, что Рейн от него оставил – сплошной животный инстинкт, замешанный на страхе и предвкушении.

Рейн склонился ниже, и я зажмурилась. Губы будто уда-

рило током, и он ворвался языком в мой рот, подчиняя окончательно. Он уже не держал – не было нужды. Даже думать о сопротивлении стало страшно. Смешно. Природа обделила меня всем необходимым для жизни в этом зверином обществе, но оставила способность подчиняться безжалостному самцу. Его укусы вспыхивали на коже один за другим, и тело охватывало пожаром. Я упиралась руками в его грудь, вяло сопротивляясь, но выходило только послушно выгибаться и подставляться под его зубы.

– И как же так вышло, девочка? – зашепотало его шепотом чувствительную кожу на груди. – Что ты еще ничья...

А я дышала все тяжелее, чувствуя, как снова подчиняюсь его давящей силе. Хотелось сказать, что это не его собачье дело, но с губ сорвался лишь стон. Жаль я не выстрелила. Было плевать на последствия – я не хотела больше терять контроль от близости этого безжалостного самца...

Ожидание боли изматывало. Я была уверена, что сейчас он просто трахнет меня, загнув раком, и бросит скулить в углу...

Но боли все не было. И я не сразу осознала, что Рейн продолжал свою жесткую ласку – спускался ниже губами, гладил бедра, сжимая пальцами кожу, будто и правда меня хотел... И заставлял хотеть его.

– Сволочь...

Даже удивило, как мне удалось выдохнуть что-то внятное. Но его это не впечатлило. Рейн развернул меня на живот,

подтянул к себе за бедра. Я задержалась, но он рыкнул и куснул за ягодицу:

– Тихо!

Когда зализывал укусы, я послушно оцепенела. А стоило ему продолжить, голова закружилась, и я обессилено сдавалась. Сознание не выдерживало напора происходящего... Я была готова умереть, испытать боль... но то, что делал со мной Рейн, рвало мой мир в клочья вместе с душой. Я плакала, впивалась пальцами в простыню, стонала и сжималась на каждое касание его языка, а он продолжал меня плавить.

– Ненавижу тебя, – простонала я, когда он отстранился и навис сверху.

В затылок ударился его горячий выдох, а между ног уперся твердый член... и жизнь встала на паузу с его укусом в метку и сильным рывком. Боль вспорола солнечное сплетение, обожгла вспышкой и схлынула, лишая возможности дышать. А Рейн обхватил меня за горло, вжимая в себя, и задвигался с силой, не давая больше передышек и возможности прийти в себя. С каждым его рывком я кричала все громче. На смену отчаянию пришла злость, но и ее утопило в каком-то диком неправильном удовольствии. Я уже почти не соображала, подчиняясь и отвечая зверю. Позволяла все, будто он вообще спрашивал...

...Рейн стер все, что было до него, сжег все мосты и швырнул меня в безжалостную реальность биться от дрожи в убийственном удовольствии.

Удовольствии, которое будет стоить жизни.

Глава 2

Оказалось, что я все еще могу что-то чувствовать.

Сейчас я чувствовал себя тварью. Одним из тех выродков, кого похоронил на базе в горах. Даже не знал, радоваться этому открытию или нет. Чем я теперь отличался от тех, кто выкрал мою дочь? Детей, не способных обращаться, ведь для этого и похищали – продавать их на южных рынках. А я использовал эту... по тому же назначению.

Эта девочка в руках... Ее билa крупная дрожь, и это беспокоило. Я стиснул зубы и прижал девчонку к себе крепче, пытаясь согреть. Захотелось взять ее снова – член встал колом, упираясь меж ее ягодиц, и горло задрожало от рычания.

Зубы сжались от злости – не питал иллюзий. Не получится нырнуть в дерьмо и не выпачкаться. Мне бы не удалось найти этот лагерь, если бы я не стал таким же беспринципным ублюдком, как и мои враги. Поэтому не до угрызений совести.

Я поднялся с кровати – раза будет достаточно, чтобы убедить всех, что мне нужна эта самка. Она бесшумно сжалась в комок, стараясь не двигаться, и мою грудную клетку сдавило от отчаяния. Натянуть штаны стало непросто. Но когда отнял руку от члена, на пальцах осталась кровь.

Роль беспринципного ублюдка давалась все сложнее. Наклонившись к девушке, я рывком поднял ее на руки и по-

нес в душ. Она вздрогнула, хватаясь за мои плечи, и часто заморгала.

– Что тебе надо? – голос ее дрожал, большие глаза покраснели от слез.

И меня затопило жалостью:

– Вымыть тебя, – внес ее в кабинку и поставил на ноги. – Ты в крови...

– Что у тебя с лицом? Никого не лишал девственности? – усмехнулась она. – Показалось, это твое хобби...

– Рот закрой, – осторожно обхватил ее за шею.

– А то что?

И она бесстрашно заглянула мне в глаза. Зубастая. Подчиняться не собирается.

– А то я продолжу...

– А может, мне понравилось?

Она хотела оскалиться, но вышло не очень. Глаза заблестели от слез.

– Сколько тебе лет?

Почему мне казалось, что она старше?

– Боишься сесть за решетку за изнасилование малолетней? – прыснула она. – Брось!

Я развернул ее лицом в стенку и крутанул кран. Она вздрогнула от резкого потока воды, упавшего нам на головы, но молча уперлась лбом в плитку. А я вжался в нее. Запах крови и здоровой самки сгущал туман в голове, и даже вода его не разгоняла. Давно забытое чувство... Но я справлюсь –

не в том возрасте, чтобы позволять командовать звериным инстинктам.

– Как твое имя?

– Энди.

И имя какое-то детское.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать один...

Она могла бы быть моей дочерью, если бы завел ребенка в девятнадцать, а не в тридцать.

– ...Ты коллекцию собираешь? – усмехнулась она зло, чувствуя, что моя хватка ослабла.

– Я оставил на тебе свою метку, – прорычал, возвращая пальцам твердость. – Не знаешь, что это значит?

– Для кого-то, может, и значит, – пожала она смело плечами. – Но со мной не прокатит. Я не обращаюсь в зверя...

Я выпустил ее шею, чтобы пальцы ненароком ее не сломали, и вцепился в плитку с обеих сторон от девчонки, сжимая зубы с такой силой, что скулы запекло. Она только вздохнула, опасливо оглядываясь, но не проронила ни слова. К счастью.

Я ведь знал, что придется платить. Но это оказалось неподъемным. Нормальная самка свыклась бы с моим выбором – гормоны бы взяли верх рано или поздно. Но только не эта... Такая же, как и моя дочь. Для нее все так и останется – наживую.

– Что снова не так? – прошептала она.

Я выключил душ и дернул полотенце с вешалки:

– На кровать ложись.

Она взяла полотенце и замерла ошарашено, хлопая на меня большими глазами. Странные. Горчичные с золотистыми крапинками... Я отвел взгляд и вышел. И только тут сообразил, что девчонке банально холодно в камере, поэтому и дрожит. Она не только оборачиваться не умеет, она вообще как слепой котенок в этом мире – ни инстинктов, ни способности чувствовать сородичей... ни умения противостоять холоду.

В груди резануло тупой привычной болью, когда вспомнил Лину – дочь. Мне всегда приходилось топить печь в своем доме в горах, чтобы малышка там не мерзла. И кутать ее приходилось в два одеяла все равно. Еще и сгребать в охапку, чтобы согрелась и уснула. Так редко это было... И я помнил каждый такой раз.

– Черт, – процедил сквозь зубы, хватая штаны с кровати.

Я старался не давать фантазии волю – давно в мыслях не рисовалось лицо моей девочки. Потому что стоило подумать, и меня тянуло в черный омут отчаяния. Как ей должно быть сейчас страшно... если она вообще жива.

На базе ее не было. И это не оставило мне выбора, кроме как сдаться, потому что теперь я знал точно, что заказчиком был ублюдок, приближенный к президенту. И теперь единственным шансом выманить тварь покрупней было создать иллюзию, что я готов вести переговоры...

Энди замерла у выхода из душевой – я слышал, как часто

она дышит.

– Ложись на кровать, – повторил приказ.

Пока мы были в душе, в камеру доставили ужин. Надо будет осмотреть девочку и накормить. Но с каждым пунктом у меня предполагались проблемы: Энди не слушалась. А стоило обернуться, попятилась обратно в ванную. И меня взбесило. Я в один шаг настиг ее, дернул к себе в руки и перекинул через плечо. Энди задергалась, испытывая терпение зверя. А мне даже и помочь ему было нечем – не ожидал, что все так обернется. Мне эта беготня по камере вообще не улыбалась.

Я уложил Энди на кровать, сдернул в нее полотенце... и задохнулся от вида ее тела. Крепкая задница, подтянутый живот, небольшая грудь, и кожа цвета карамели. Она создана, чтобы ее сожрать... В глазах аж потемнело, а мозги замкнуло от нехватки кислорода. Дурочка еще и вскочила на четвереньки, пытаясь дать деру по кровати. Вроде бы за плечами какая-никакая подготовка, а ударилась в истерику. Хотя как подготовиться к такому?

Одним броском я схватил ее за ноги и подтянул к краю. Энди шлепнулась голым задом прямо о мой член, натянувший штаны, и в голове взорвались предохранители.

Что-то все шло совершенно не по плану. Выдержка? Трезвый расчет? Я забыл эти термины напрочь! Я зарычал и вздернул ее на колени, хватая за горло. Мне осталось только сдернуть штаны и войти в нее снова.

Я угрожающее коснулся губами метки и медленно насадил ее на член. Видел, как закатились ее глаза, грудь метнулась вверх, и я тут же накрыл ее свободной рукой, осторожно сжимая.

Идиот... Думал, все под контролем? Давно вообще мне так сносило крышу? Какого ж черта? Где я просчитался?

Ответом был рваный стон девчонки и мой сдавленный рык. Не стало ничего важнее того, как она сжала меня внутри себя. Ее открытый рот, дрожащие ресницы и изящно выгнутая спина притягивали взгляд и не оставляли шанса вернуть контроль. Я слушал ее, двигаясь медленно, а на самом деле наслаждался секундами ее подчинения. Захотелось, чтобы она кричала, и я задвигался быстрее и жестче, наблюдая, как изгибает брови и закусывает губы...

Ее первый стон скрутил все внизу живота в горячий узел. В голове окончательно замкнуло – я не видел уже жертвы перед собой, только избранную самку, которую вдруг захотел до одури. Меня не смущало ни место, ни контекст – зверь завладел ситуацией, послав к чертям мои планы. А я был и рад сдать хотя ненадолго. Потому что месяцы напряжения и страха выжали меня досуха...

Ее кожа покрылась каплями пота, крик и звуки ударов моих бедер о ее отражались от стен и вибрировали на металлических решетках, а мне все было мало. Я жадно бился в нее до полного опустошения и почти не заметил своего оргазма, но едва не кончил снова от ее...

Пришел в себя, когда она заерзала подо мной, пытаюсь отодвинуться. Собрать себя оказалось непросто. Выпустить ее из лап – тоже. Особенно – когда взгляд зацепился за царапины на гладкой коже.

– Лежи, – приказал хрипло. Горло драло от сухости, а ноги дрожали. Мне будто снова было двадцать...

– Издеваешься? – тихо простонала она.

Похоже, гормоны действовали только во время секса вместе с токсином, а теперь она снова приходила в себя и начинала огрызаться. Все, что так ценилось в живом товаре из Клоувенса, теперь было в моем полном распоряжении. С губ сорвался смешок, и пальцы сжались в кулаки до хруста.

Я спасал одну девочку ценой другой...

Неизвестно, спасу ли дочь.

Но Энди уже покалечил.

Я пошарил в содержимом тележки, которую бросил доктор, и вернулся к кровати с антисептиком и салфетками. Энди даже не дрогнула, когда приложил тампон к царапине.

– Садись.

– Зачем?

– Еду подам.

– Я не буду.

– Я не спрашиваю.

– Оставь меня в покое, – скосила на меня взгляд. – Ты используешь и выбросишь, так какое тебе дело до моего здоровья...

– Я сказал, я не спрашиваю тебя, – зарычал, подхватывая тарелку.

– Сам ешь, – уперлась бестия.

– Не будешь есть, будет третий раз, – процедил я. И при этом был далек от шуток.

Не бывает так в нормальном варианте. В случае истинной пары, говорят, вообще без слов понимаешь друг друга, поэтому и речи нет о подобной возне и противостоянии.

С бывшей женой мы просто приняли друг друга, так и не найдя истинную пару. Так тоже часто бывает, и это не самый плохой вариант. Даже лучше. Спокойней, разумней. Но жить со мной она так и не смогла. И даже общая дочь не удержала нас в общей в постели – редкий случай.

Оба этих варианта исключают опасность гибели в зверином союзе совершенно непокорной самки, как та, которую я себе организовал тут за решеткой.

– Чего ты добиваешься? Чтобы я тебе горло перегрыз за неповиновение?

– Черт, и весь твой план к чертям пойдет, да? – зло оскалилась она.

Я тяжело сглотнул и направился к кровати, не спуская взгляда с девчонки. Боялась. Ежилась с каждым вдохом, а когда я рывком сцапал ее, запустив пальцы в волосы, забились в руках истеричной синицей.

– Правда хочешь умереть? – прорычал, трянув ее, как котенка. – Готова к тому, что я порву тебе глотку, и ты медлен-

но сдохнешь в конвульсиях? – И я выпустил своего зверя, давая ему возможность подкрепить мои слова кровавыми дорожками от когтей на ее шее. – Думаешь, можешь смотреть смерти в глаза, и ничего тебе за это не будет? Черта с два! Ты посмотри сначала в глаза тому, кто сдыхает с переломанной тобой шеей, а потом уже смело ставь мне тут условия!

Я толкнул девчонку на кровать и проследил, как она пятится в угол, пытаясь инстинктивно забиться подальше. Котенок – одним словом.

– Ешь, – поставил тарелку на край кровати.

Она хоть и глядела с ненавистью, но все равно подчинилась – вяло поковыряла еду, пока я занялся плечом. Рана ныла, хоть и не представляла опасности, но это не делало меня сговорчивей.

– Что еще мне сделать, чтобы не рисковать своей жизнью? – отставила она тарелку.

– Ложись спать, Энди, – выдохнул я, жмурясь от боли в воспаленном плече и совести.

Гормоны схлынули не только у нее. Обезболивающий побочный эффект тоже кончился.

Она послушалась не сразу – сидела еще некоторое время, поджав под себя ноги, и смотрела в стену. А я позволял ей это – пусть хоть немного сохранит иллюзию собственного достоинства, пока моего зверя это устраивает.

Мне казалось, что отправиться в ад одному правильно. Мне и так туда дорога... Я не думал о том, что станет с той,

которой не повезет оказаться предметом торга с моими тюремщиками. Еще совсем недавно все мысли были о дочери и необходимости сделать все, чтобы спасти ее. Теперь же я думал об Энди.

Она ворочалась, часто дыша и явно мерзла. Каждый ее всхлип вспарывал душу. Да и к черту. Возврата к прежней жизни все равно нет.

Я погасил свет и направился к ней. Когда подо мной продавился матрас, она встрепенулась и бросилась бы прочь, только я не позволил.

– Ты замерзнешь, – прижал ее к себе. – Не дергайся.

Энди всхлипнула, замирая от моей близости, а я вжался в нее, пытаюсь согреть ее всю. Только выходило не очень – слишком холодно. И тогда я медленно обернулся зверем вокруг нее, пряча ее у горячего живота, как... собственного котенка.

Глава 3

Я проснулась от того, что жарко... Полночи трясло от холода, а тут вдруг аж испарина выступила над губой. Камера медленно заполнялась утренней мутью через окно у самого потолка. И так же тяжело я приходила в себя, не в силах пошевелиться от смутного ощущения смертельной угрозы. Внутренние инстинкты командовали замереть и не двигаться, но дышалось все равно тяжелее с каждым вдохом, а сердце разгонялось в груди, глухо барабанило в ушах.

Я лежала в лапах зверя. Поэтому мне было жарко. И жутко. Казалось бы, чем еще меня мог напугать Рейн? Но он смог... Для такой, как я, оказаться вблизи к настоящему зверю – как мыши обнаружить себя в лапах кота. Ничего тут не объяснить – это обычный инстинкт самосохранения. Бракованных не любят. А сами мы не любим оказываться лицом к лицу со смертельной угрозой.

Зверь вздохнул глубже, и я зажмурилась, силясь не рвануться от зверюги с криком и воплями о помощи. Но Рейн, видимо, почувствовал мое состояние. Тяжелая лапа поперек груди завораживающе втянула шерсть, меняясь на мужскую руку, пальцы ожили и сжали мое плечо, и я выдохнула, задрожав.

– Не хотел тебя пугать, – хрипло прошептал он мне на ухо. – Но ты замерзала...

Хотелось заорать, что если бы не он, я бы не замерзала сегодня, но сил ругаться не было. Тем более что и когда он в человеческой ипостаси, я боялась его не меньше. Когда Рейн отстранился, я сразу же озябла, сжавшись в комок. Хотелось в туалет... Но, кажется, я не смогу при нем вообще ничего...

– Энди, вещи, – положил Рейн мои сложенные шмотки на край кровати и уставился на меня слишком внимательно. – Тебе нужно в туалет?

– Нет, – мотнула головой, – отворачиваясь.

– Не может быть.

– Пожалуйста, оставь меня...

Но куда там? Рейн дернул за ноги, и я оказалась в его руках голышом, потому что жалкое тонкое одеяло сдалось без боя. В один вдох мы оказались в душе.

– Делай давай свои дела, не беси, – прорычал он, ставя меня в убогую душевую кабинку. – Хочешь, воду вруби.

Я вжалась в стенку, но та обожгла холодом лопатки, и тело отозвалось волной озноба. Который тут же рассыпался от горячей волны, поднятой взглядом Рейна. Он стиснул зубы, оглядев меня снизу вверх, развернулся и, хлопнув тонкой дверью, вышел. Терпеть холод больше не было сил. Я крутанула кран с горячей водой и блаженно прикрыла глаза, замирая под струями. Непривычно, жутко... Еще вчера у меня было будущее. А теперь – только настоящее. И такое концентрированное, что я не вижу дальше этой двери. Что меня ждет, когда выйду? Да и дверью это не назвать – просто пе-

регородка с общим потолком...

Стоило провести ладонью по коже, та отозвалась легким жжением следов от царапин. Шея слегка ныла в области метки, между ног саднило, но все терпимо. Сколько это все продлится? Что дальше? Как вообще те, кто закрыл клетку у меня перед носом, собираются мне это объяснить и компенсировать?

Показалось, я простояла под струями час. И не вылезла бы вовсе, если бы снаружи не послышался звук открывающегося замка и голоса. А когда в двери постучали, я выключила воду.

– Мисс Ровейн, как вы? – послышался низкий мужской голос.

– Прекрасно, спасибо! – не удержалась от сарказма, сдерживая полотенце.

– Я бы хотел попросить вас пройти со мной.

– А кто вы?

– Ронан Харт, окружной прокурор. Ваш начальник отдан под суд за вчерашнее решение...

– Дайте пять минут, – хрипло попросила. – Я оденусь.

– Хорошо.

Когда вышла из душевой, обнаружила, что Рейна в камере нет. Но есть тот самый окружной прокурор.

– А я вас знаю, – сама того не желая, удивилась.

Суровый тип. Еще в Академии доводилось слышать о нем, но увидела только по телевизору в разгар скандала с обвине-

нием его в изнасиловании. И была я далеко не на его стороне, потому что девушка, которой хватило смелости бросить ему столь громкий вызов, вызывала восхищение. А теперь он вдруг оказался в моей камере.

Притяжательное «моей» позабавило, и я усмехнулась невпопад.

– Я бы хотел, чтобы вас осмотрели врачи.

– Какой это имеет смысл? – не тронулась я с места. – Мы с вами оба понимаем, что уже поздно...

А была в этом какая-то ирония. Потому что уж Ронан Харт точно понимал все лучше многих. Ведь он точно так же присвоил свою девушку.

– Не поздно, – возразил он.

Тепло после горячего душа стремительно иссякало, и я съежилась от волны зябких мурашек, пробежавших по спине.

– Пойдемте, Энди, – надавил он. И уже когда мы шли по коридору, заметил: – Я предлагаю тебе не соглашаться ни на какие условия.

– Почему?

Взгляд скользил по белым стенам, а сознание отмечало, как быстро все меняется. Еще вчера я шла по этим коридорам, уверенная в собственной безопасности.

– Потому что тебя используют.

Мы вошли в лифт и поднялись на незнакомый мне уровень. Тут совсем не было запаха тюрьмы. Светлые коридоры

ры и обстановка заставляли вообще забыть о том, что где-то тут есть такое страшное место, как камера Рейна. Мы будто попали в гостиницу, совмещенную с клиникой. И тут было теплее.

– А что вы предлагаете?

– Сейчас тебя осмотрят, окажут помощь и пригласят на беседу, – холодно ответил он, открывая передо мной двери кабинета. – Если решишь, что хочешь уехать – я устрою.

– Даете мне выбор?

– Да.

– И что это будет вам стоить?

– Неважно.

– Почему мне кажется, что только вы один так думаете? – глянула я на него. – Просто вы через это прошли. Другим же нет дела до таких, как я... или ваша девушка.

Прокурор стиснул зубы, глядя мне в глаза:

– Я добьюсь того, чтобы тебя отпустили, – пообещал.

– А дальше? Вы не сможете меня опекать постоянно, а я уверена – это клеймо на меня поставят пожизненно. Исключат из Академии, лишат возможности работать и усложнят жизнь, если я не сделаю так, как нужно большинству. – Да, я – не его смелая девушка. Но и у меня вообще нет поддержки. А в центры помощи я, увы, не верю. – У меня не было другого плана на жизнь, мистер Харт. Уверена, у вас уже куча проблем, раз вы думаете иначе. Но питать иллюзии я разучилась очень давно.

– Идите, – кивнул он мне на двери и направился дальше по коридору.

* * *

Я ждал в знакомом кабинете у панорамного окна, глядя на ущелье сверху и разминая запястья в наручниках за спиной. Пытался смотреть перед собой, цепляться взглядом за рельефы скал, но все мысли были об Энди. Позволить увести себя от нее стало возможным только потому, что я доверял Харту.

– Выходите, – скомандовал он моей охране, входя в кабинет. – Ключи от наручников на стол.

Охрана замаялась, но подчинилась, и вскоре мы остались одни.

– Какого черта ты так с ней?! – потребовал Харт, подходя ко мне с ключами. – Что вообще ты творишь?

– Делаю свое дело, прокурор, – повернул к нему голову, потирая запястья. – И советую этим пользоваться...

На самом деле я еле сдержался, чтобы не схватить его за горло и не потребовать вернуть мою самку. Все было плохо.

Харт зло оскалился, останавливаясь рядом:

– Слишком много на себя берешь.

– Кто-то должен, – нахмурился я.

– Рейн, мы взяли след, – сбавил он градус агрессии. – И я благодарен, что ты доверился.

Я зажмурился, тяжело дыша. Мне хотелось быть там, самому убедиться, что след действительно реален. А еще броситься за дочерью...

– Подробней, – потребовал я, глядя перед собой.

– Обрыскали дронами вершину горы, – пропустил он мимо ушей нарушение субординации. – Нашли ущелье, запоорошенное снегом. Не придраться. Сомнения вызвали почерневшие камни по руслу реки. Оказалось – трасса. Сейчас преследуем. Но по пути уже масса доказательств, что везут детей – еда с остатками слюны и прочее...

– Надеюсь, вы сохраняете в тайне? – глянул на него возбужденно.

Картинки будоражили воображение. Я будто сам был там, видел тропу... Как я упустил?

– Абсолютно, – заверил Харт.

– Тогда осталось найти спонсора этого мракобесия, – вернулся я взгляд в окно.

Слышал, как он скрипнул зубами:

– Не ожидал от тебя подобного, – процедил с досадой.

– Я не хочу, чтобы наши дети были в опасности, Харт, – понизил я голос. – Никто не застрахован от особенных детей. Но они должны иметь право на полноценную жизнь... И тем более не должны становиться чьими-то игрушками. – Слова давались тяжело, в груди наливалось каменной тяжестью сердце... – Объявляй, что я согласен на переговоры ради самки.

– Я бы тебе намордник надел, – досадливо прорычал он. – Но ты ведь умный, гад. Все просчитал. Конечно, Виммер схватился за эту идею. Но девочку ты отпустишь.

Ну тут уж, как говорится, его никто не спрашивал. Мой зверь громко обозначил свое мнение по этому поводу так, что Харт в первую секунду удивленно вздернул брови, делая шаг назад, а в следующую – изумленно усмехнулся:

– Вот как? Ты уверен, что у тебя все под контролем, Брайт?

– Не нарывайся, прокурор, – процедил я раздраженно, отворачиваясь. – Это – мое личное дело.

– Ты на свободу-то хочешь? Точно думаешь подвергать СВОЮ девочку опасности тут? – Он вытащил из кармана листок и припечатал к стеклу перед моими глазами: – Твое освобождение.

– Я уверен, что эта тварь с вершины дернется, – повернул к нему резко голову. – И все окупится, прокурор. Смерти твоих подчиненных и твои потери.

– А твои? – досадливо скрипнул зубами, убирая приказ.

– Просто найди мою дочь...

Допустить мысль о том, что Харт сейчас эффективнее меня, было сложно. Но это правда. У него – отряд и техника, один я бы так быстро действовать не смог. Поэтому придется завязать эмоции узлом и ждать.

– У тебя привязка к Энди, – спокойно заключил он. – А у нее – только страх.

– Хорошо тебе знакомо, да? – усмехнулся я невесело.

– Да, – серьезно отозвался он. – Обидишь ее – будешь жалеть...

– Не дашь ей возможность сбежать? – глянул на него.

– Нет, – нахмурился Харт. – Уже нет. Дам тебе шанс... И другую комнату.

– До меня должно быть несложно добраться, – напомнил ему вслед.

– Да-да, – бросил он пренебрежительно, направляясь к столу. – Наручники...

Пришлось завести руки за спину.

– С Энди все нормально? – спросил я, направляясь к двери.

– Мне доложат – сообщу, – пообещал он и кивнул мне на двери.

Глава 4

Наверное, меня так не обследовали даже когда принимали в академию. Доктор была очень вежлива, с взглядом, полным молчаливого сочувствия.

– Никогда ранее не испытывали притяжение к мужчине? – анкетировала меня она, когда я уже сидела перед ней после всех осмотров и анализов.

– Не понимаю, о чем вы, – подняла взгляд от своих ладоней.

– У вас в карте указано, что ранее вам диагностировали мутацию, – осторожно заметила она. – Не было попыток завести себе партнера?

– Нет, – пожала я плечами и отвела взгляд в окно.

Я была слишком занята главной целью – выбраться со дна, перестать голодать и получить нормальную работу. Все мои таланты были связаны с постоянной необходимостью выжить на улице. Я была меткой, шустрой, изворотливой и могла за себя постоять. А что еще нужно девочке из трущоб, которая не может обращаться в зверя? Логично, что все эти навыки я принесла в полицейскую академию. И даже почти закончила ее с отличием... если бы не эта заключительная стажировка.

В Порт Роксмаут никто не жаждал получить распределение. Дурная слава этого места ставила шерсть на загривке

дыбом, и чистокровным сокурсникам тяжело было просто допустить мысль о том, что они окажутся в окружении четырех стенок, пусть и по ту сторону решеток. Для оборотней это тяжело. А вот мне было все равно. И я вызвалась добровольцем.

Только в реальности все мои навыки и уверенность в себе оказались как пластиковый ножик против лома. У таких, как я, не было прав, не было защиты семьи, потому что и семьи не было. То, что прокурор неожиданно предложил покровительство и помощь, конечно, давало надежду... Но я не верила в удачу и сочувствие. Он просто видел во мне свою женщину, которая оказалась когда-то в таком же положении против него. И хоть они каким-то чудом все уладили, никто не знает, чего это стоило ей. Я не следила за развязкой их истории, но, кажется, все решилось полюбовно. По крайней мере, для общества. Странно, что он посоветовал мне не пробовать решать вопрос полюбовно тут...

– Энди, у вас есть вопросы ко мне?

– Нет, – даже не задумалась я.

– Хорошо. Тогда я приглашу за вами... – вздохнула доктор и потянулась к телефону.

Через несколько минут за мной пришел незнакомый мужчина и проводил на другой этаж. Тут уже не было запаха антисептиков, а яркое солнце заливало светом коридор через панораму боковой стены. Захватывающие контрасты.

Передо мной открылись двери в просторный кабинет, ре-

зидент которого не встретил меня, сидя за столом – он, как оказалось, сопровождал меня все это время, и я запоздало присмотрелась к нему – не похож он на того, с кем я собиралась обсуждать будущее. Слишком располагающий, но в то же время цепкий взгляд.

– Энди, хотите что-нибудь? – прошел он к столу, усадив меня в кресло напротив.

– Кофе, – не стала сгущать и без того давящую атмосферу. Ладони вспотели, во рту пересохло. – А ваше имя?

– Виммер, – участливо подсказал он. – Петр Виммер, отдел по внутренним расследованиям.

– Я вас слушаю, – сглотнула.

– Я собираюсь уговаривать тебя остаться с Рейном Брайтом, – не стал он ходить вокруг да около. – Это очень важно для того дела, ради которого и ты в том числе сюда попала.

Затошнило. Харт хотя бы искренне сочувствовал. Этот же видел во мне только средство. А располагающий взгляд – просто иллюзия. Захотелось спросить: а своей дочери он бы тоже предложил согласиться остаться в такой ситуации и продолжить спариваться с заключенным?

– А у меня есть выбор? – посмотрела на него прямолинейно.

– У тебя есть выбор, – нехотя кивнул он. – Но я намерен сделать все, чтобы ты предпочла единственный вариант.

– И что же?

Почему-то мысль о будущих благах даже не возникла. Я

представила камень на шее и долгий полет в горную реку со скалы.

– У нас на кону жизни десятков маленьких девочек, – сдвинул он брови. – Я знаю, что ты считаешь меня редкой тварью, но мне плевать. Рейн Брайт более не заключенный здесь – его освободили. Этот мужчина – герой-одиночка, который один разобрал лагерь в горах, в который свозили краденых детей... Мы не смогли за год, а ему понадобилось три месяца...

– Какой позор, – с удовольствием вставила я, усмехаясь.

– Пожалуй, – многозначительно сузил он глаза.

– Так и какова моя роль? Ублажать героя? Подыскали бы попородистей...

Умения изображать кроткую овцу, испуганную будущим, мне всегда не хватало. Я знала, что не помру собственной смертью.

– Мы не искали, – спокойно возразил он. – Рейн выбрал тебя сам. У него была собственная идея, как выйти на основных заказчиков. И я эту идею готов поддержать. Вопрос только в тебе.

Я откинулась на спинку кресла, прикрывая глаза. Внутри все застыло от понимания...

– Вы сейчас мне выдаете секретные данные... не получив моего согласия... – голос предательски дрогнул.

Это значило только одно – если я откажусь, меня не выпустят. Тут запрет либо еще что-то придумают, но что одну

маленькую девочку не пожалеют пустить в мясорубку системы – сомневаться не приходилось.

Виммер не ответил. Проследил, как мне принесли чашку кофе, и только тогда вернул на меня взгляд.

– ...И что предлагаете? – тихо спросила я.

– Рекомендации, – начал он так, будто с нетерпением ждал этого вопроса, а я, дура, тормозила. – Должность помощника адвоката – сначала пройдешь стажировку, потом начнешь практиковать. – Он самодовольно откинулся на спинку кресла, глядя на меня свысока. – Стабильный оклад не ниже ведущего специалиста до конца дней. Квартиру в Восточном квартале – любую на твой выбор. И машину. И еще – полную медицинскую страховку специального уровня.

Я медленно моргнула и потянулась к чашке. Хотелось отмереть, стряхнуть с себя эту липкую паутину выгод, которой он меня только что осыпал... Но я не могла. Виммер будто каждый день тут предлагал какой-то бедолаге отдаться очередному герою. Все, о чем я даже не мечтала к старости, мне обещали сразу.

– А мои обязанности? – голос охрип, и я прокашлялась, давая понять собеседнику все.

– Вы останетесь с Брайтом до конца нашей операции.

– Мне нужно быть уверенной, что я не пострадаю, – выдохнула напряженно.

Виммер подался вперед:

– С чего вы решили, что можете пострадать? – сурово по-

требовал он. Я открыла рот, чтобы возразить, но он не стал слушать: – Это вряд ли.

– А если Брайт меня убьет?

– Он выбрал тебя, – с нажимом отбрил Виммер и поучительно добавил: – Мужчины не вредят выбранным женщинам, Энди.

– Он меня использует, а не выбрал! – возмутилась я.

– В любом случае ваши отношения – только ваши, – разочаровано пожал он плечами. – Я могу ограничить их лишь сроком.

– Мне нужна гарантия, что у него не будет на меня никаких прав по окончании этого срока.

– Хорошо, – кивнул он. – Так мы договорились?

– Да.

* * *

Комнату нам действительно предоставили другую, и я не нашел, к чему в ней можно придраться. Логично, что несчастливице стремились бы обеспечить лучшие условия, чтобы смягчить пребывание со мной. И Энди тут будет лучше – почти что гостиничный номер. И тепло. Харт выдал мне оружие, мобильник и заверил, что его сотрудники тоже на чеку.

Все мы ждали покушения на меня. Я рассчитывал, что связи между спонсором, который греет зад на вершине

олимпиа, и исполнителями не очень налажены. И всегда остается шанс, что, вскрыв очередной лагерь, мы получим больше информации о заказчиках... На это я и надеялся. Чтобы эта тварь предпочла меня убрать прежде, чем я укажу если не на кого-то конкретно, но обозначу четкую дорожку, по которой только останется пробежаться и вычислить виновного.

Все, что я узнал, это номера нескольких машин, привычки: марка сигарет, оружие, особенности запаха... Мне в надежде сохранить жизнь выкладывали все до мельчайших деталей. Я допрашивал ублюдков сутки, прежде чем сдать самому. Харт, может, раскрутит и эти улики, потому что тот же пистолет с особенной рукояткой очень напоминал по описаниям ограниченную серию, в которой насчитывается всего десять экземпляров. И владельцев таких пистолетов уже проверяют и следят за ними. Но все это требует времени...

Когда за спиной тихо вжикнул замок, я обернулся... и все вылетело из головы.

Энди замерла у порога камеры, обнимая себя руками. В какой-то безразмерной белой пижаме, с распущенными волосами и вся пропахшая чужими прикосновениями и антисептиками. Мой прерывистый голодный вдох прозвучал так громко в тишине между нами, что она сжалась еще больше.

– Мне сказали, что ты герой...

– Это они поспешили.

Она коротко кивнула и гляделась:

– Я согласилась на то, чтобы меня использовали, – попы-

талась расправить плечи, но взгляд ее дрожал, когда попробовала глянуть с вызовом мне в глаза.

А я знал, что буду использовать. В груди задрожало предвкушающее рычание, когда шагнул к ней. Не было сомнений – мне нужно присвоить эту самку, снять с нее чертов чужой запах... и вернуть свой. А еще разбирало от злости – Энди вжалась в стенку в ответ на мое приближение. Что может быть хуже, чем видеть, как тебя отвергает избранница? Чувствовать пальцами, как от страха бешено бьется вена на ее шее... Каких извращенцев подобное может возбуждать?

– Энди, – позвал ее шепотом и приподнял за подбородок, вынуждая смотреть мне в глаза. – Я тебя не пользую... Я ошибся. – Она только попыталась вжаться в стенку сильнее, избегая моего взгляда. – Я на самом деле тебя хочу...

Она задержалась взглядом на моем лице, но ни черта это не стало для нее хорошей новостью.

– Давай все оставим так, – выдохнула, вставая на цыпочки, когда я схватился за края ее кофты.

– Не оставим, – отбросил вещь на тумбу и взялся за штаны.

– Рейн, не надо, – отказалась переставить ноги, чтобы я снял их с нее.

И я рывком закинул ее себе на плечо и понес к кровати. Не обращал больше внимание на ее протесты – как вскрикнула, как попыталась снова дать деру от меня и даже подрагаться. Просто развернул ее на живот и сел сверху, поддевая паль-

цами белее. На ягодице налился кровоподтек от моего вчерашнего укуса, и я с удовольствием наказал ее очередным, добиваясь симметрии. Энди взвилась, вскрикивая и грязно ругаясь, а я запустил в нее пальцы, шлепая по заднице.

Не то что я любил грубо, нет... Но дерзость этой самки и ее сопротивление вытаскивали черное изнутри, делая меня больше животным. Наверное, я слишком долго жил один в глуши вдали от всех. Мои светские пируэты закончились на расставании с бывшей женой, и я больше не видел смысла в том, чтобы делать вид ради кого-то.

Энди выгнулась дугой, когда ласка достигла цели, и заскребла ногтями по хрустящей белоснежной простыни. Мелькнула мысль, что я, наверное, только так мог себе найти женщину – связать ее договоренностями и запереть с собой за решеткой. Но я тут же утопил ее в новом вскрике, не жалая бестию. Трахал ее пальцами до одури, пока она не потекла и не перестала выдираться. А когда обессилена распласталась подо мной, слез с нее и огладил пострадавшую попку, любуясь результатом. Ее запах хотелось пить, потому что все в ней кричало, как хотело отдаться, и сама Энди тоже. И я взял – медленно заполнил собой, жмурясь от удовольствия слышать ее дрожащий стон. Пусть только попробует потом воротить нос – буду трахать до звезд перед глазами, пока не признается мне в голос, как хочет быть моей.

Я осторожно втиснулся в ее тесноту и склонился к ней, замирая губами между лопаток. Не помню такого желания,

чтобы меня настолько вело от самки и вынуждало ее убеждать в своем выборе... Маленькая дерзкая дурочка играла с огнем, смея намекая мне, что будет со мной только по договоренности. Черта с два! И я вздернул ее на колени, прижимая ее бедра к своим. Энди дрожала, кричала все громче и пыталась сжать ноги, сдерживая очередной оргазм.

– Давай, – рыкнул я и дернул ее за волосы вверх, запуская пальцы между ее ног. Ответом стала дикая дрожь, бьющая по пальцам и сводящая с ума.

Где-то на задворках сознания всплыло опасение, что я вообще потерял сцепку с реальностью, и если и дождусь дула пистолета, то получу пулю прямо в лоб... Потому что даже пуля сейчас кажется мне чем-то несущественным. А вот Энди подо мной – все. Разрядка поставила меня самого на колени, опустошая душу до самого дна...

Уж лучше бы я молился...

– И что же тебе пообещали? – сжал пальцы на ее горле, отдышавшись.

– Не твое дело. – Слишком быстро пришла в себя – голос злой, звонкий, будто пощечина. – Ты должен будешь оставить меня в покое! Это главное!

И она мотнула головой, пытаясь сбросить мою лапу.

– Я все еще в тебе, девочка, – зарычал, склоняясь к ее уху, и вжался членом в нее до упора, наслаждаясь ее ожившей дрожью. – Уверена, что можешь ставить мне условия?

Пальцы сами сжались в ее волосах, в груди задрожало

недовольное урчание зверя, и я задвигался жестко и сильно, упиваясь ее криком. Показалось, что меня оглушило к чертям – я слушал, но не слышал, как бьется Энди подо мной в агонии. Понимал, что это уже не про удовольствие, и что не отдается мне по своей воле, но это только подстегивало злость.

– ...Нет! Не надо! – доходит до сознания ее вскрик, вспарывая кровавую пелену перед глазами, и я обнаруживаю, что Энди крупно дрожит в моих руках.

Ребра девушки расчерчены тонкими нитями следов от когтей, взмокшая кожа скользит под пальцами, а подушечки все еще бьет остатками ее очередного оргазма. Но никакого удовольствия она точно не испытывает – скорее, животный страх. И, подтверждая это, Энди отползает от меня при первой возможности.

– Не приближайся, пожалуйста, – выдохнула она сдавленно.

Кое-как выпрямилась и, убежав в ванную, хлопнула дверью. Но даже через шелест воды я услышал, как разрыдалась. Не выбить двери к ней стоило многого. Зверь метался внутри, желая получить подтверждение того, что самка усвоила урок, и мне не за что было его винить. Но в то же время я представлял, каково таким же девушкам, проданным в рабство. И готов был перегрызть себе вены, чтобы хоть как-то искупить вину, пришедшую на место дикого вождения.

Ноги подкосились, и я медленно опустился на пол, закры-

вая глаза. Жадный вдох заполнил легкие, и я с трудом напомнил себе, что все эти жертвы неизбежны. Я ведь не знал, что так случится... Только не думал, что обреку и себя, и эту девочку на такой ад.

И нет пути назад.

Глава 5

Я же всегда могла себя собрать...

Чего только не случилось со мной на улице! То добычу чужую вдруг уведешь, то кошелек подрежешь не у того, то в нос зарядишь кому-то, кто сильнее, и все, что пропустил в жизни – твой удар... потому что не ожидал прыти от пигалицы. Сколько поломанных костей, шрамов, затянувшихся ссадин... Но я всегда вставала. Потому что было понятно, предсказуемо, а почерк жизни я узнавала везде и выучила его рано. Законы жизни у таких, как я, несложные.

Только тут все оказалось каким-то нечитаемым... Как можно подставлять задницу этому мужчине, сходить с ума, когда он бьется в мое тело, как сумасшедший, что не видит иного выхода?! Мне же противно должно быть! Я не должна вообще ничего чувствовать, кроме желания перегрызть ему горло. А я только боюсь и позволяю ему все... Хотя раньше лучше бы сдохла, чем позволила творить с собой такое. Будто сейчас и не я это вовсе...

Зеркало тоже удивило – не ожидала, что на лице не отразится весь этот ужас, даже наоборот – глаза блестят, щеки горят, будто я и вправду занималась чем-то настолько великолепным, о чем и мечтать стыдно.

Отвернувшись, я направилась в душ. Не знаю, сколько простояла под горячей водой, когда почувствовала чужой

пристальный взгляд. Даже не открыв еще глаз, я поняла – Рейн смотрит на меня. От этого понимания пробило ознобом.

– Вылезай... – приказал он глухо голосом, полным непонятных мне эмоций.

Не помню в своей жизни мужчину, которого бы вдруг так испугалась разозлить...

Я выключила воду и повиновалась. Забота с его стороны обескуражила. Я пришибленно замерла под полотенцем, которое он накинул мне на плечи, и съежилась под ним.

– ...Пошли, обработаю царапины, – кивнул он.

– Я не боюсь царапин, – посмотрела в его глаза.

Сейчас почему-то смотреть в них могла. Рейн был полон каких-то противоречий, которые меня и пугали. Его невозможно предсказать... Понятно, что я его совсем не знаю... Но раньше моя жизнь зависела от того, как я разбиралась в тех, кто стоял передо мной. Этот же зашифрован. Смотрел, будто кинется... или схватит и прижмет к себе снова, чтобы согреть. Я не понимала, что произойдет в следующий момент.

Он стянул с меня полотенце и, уложив на кровать, замер.

– Мне холодно, – поежилась я. Было дико неудобно от того, что не видела Рейна. – Можно быстрее?

Дыхание сперло от прикосновения его горячих пальцев к позвоночнику.

– Откуда это все у тебя? – тихо потребовал он.

– Что именно? – передернула я плечами.

Моя кожа хранила много всего из того, что давно вылетело из памяти.

– Моя жизнь не всегда складывалась так сказочно, как сейчас, – усмехнулась я и тут же зашипела от антисептика, подпалившего россыпь царапин.

– И как она складывалась?

– Что ты хочешь знать?

– Откуда столько шрамов?

– Я не собираюсь быть с тобой так долго, чтобы рассказать о каждом...

– Вот этот, вдоль позвонка... глубокий...

– Я не хочу вообще с тобой разговаривать, Рейн.

– Тогда я буду тебя трахать, – и он резко вдавил меня в матрас, запуская пальцы под полотенце, между ягодиц и ниже...

Его грубость имела какой-то обратный эффект. Во рту пересохло, и я с трудом сглотнула, напряженно вздыхая.

– Нож, – дернулась я, прокашлявшись, и получила в награду новую жгучую порцию антисептика. – Немного не достал до позвоночника. Не повезло оказаться между охотником и целью...

– В смысле? – не отставал он.

Руку из-под полотенца убрал и принялся водить пальцем вдоль позвоночника. Простое движение, но он... он будто искал кнопки управления мной. И находил.

– Примкнула к одной босоногой банде в двенадцать лет. Казалось, так прокормиться будет проще. Мы обворовывали небольшие магазины, иногда нападали на доставщиков продуктов. Один оказался зубастым, а мой напарник по шухеру – с ножом. А я просто растерялась, не дала ему ударить им доставщика, но сделала вид, что оступилась... – Рейн уже не обрабатывал царапины – он гладил мою спину. И это нервировало сильнее, чем если бы он меня ударил. – Потому меня хотя бы доставили в больничку. Так бы прибили... Перестань...

Я поднялась, отодвигаясь от его руки, и обернулась. Рейн сидел на коленях с антисептиком. Его взгляд снова пустил волну зябких мурашек по следам от его горячих пальцев.

– ...Я оденусь, – встала с кровати.

– Тут же не холодно.

– Мне холодно. Мне везде холодно.

Я подхватила свой рюкзак у входа, любезно доставленный тюремщиками Виммера, и направилась в ванную.

Когда вышла в одежде, у дверей стоял тип с тележкой, Рейн – у стенки с руками за спиной под прицелом двух охранников. Хорошо они с героем обращаются... Хотя чего от них ждать после того, как поступили со мной?

Я не решилась шагнуть в комнату, застыв у дверей, но на меня особо и не взглянули, будто я просто деталь интерьера. Охранники дождались, пока доставщик выйдет, попятились в проход и закрыли двери.

Рейн глянул на меня, повернув голову:

– Садись на кровать.

– Может, ты перестанешь мной командовать?! – взорвалась я. – Я не видела в своем договоре строки «Выполнять все его приказы»!

– Может, и перестану, – усмехнулся он. – Только тут садиться некуда, чтобы поесть. Ты не ела весь день...

Не поспоришь.

Рейн направился к тележке:

– ...Тебе есть, что праздновать сегодня?

– Что?! – возмутилась я, глядя на то, как он вытаскивает с нижней полки тележки бутылку вина. – Смешно. Мне будет, что праздновать, если ты намекнешь на срок моего пребывания с тобой.

– Дорого ты обошлась Виммеру? – сощурился он на этикетку. – И тут он тоже не поскупился.

Захотелось кинуться на него, оглушить бутылкой, а Виммеру запихать в горло контракт, что я подписала сегодня...

– Не благодари, – буркнула, отвернувшись, и полезла на кровать.

– Энди, надо поесть.

– Ты мне не папочка, Рейн.

– Отшлепать по заднице могу не хуже.

Скрип тележки резанул по натянутым нервам.

– Ты видел мою спину, – усмехнулась я. – Думаешь, можешь меня еще чем-то напугать?

– Энди, – он обошел кровать и опустился на колени передо мной, – поешь, прошу. Нельзя морить себя голодом.

– Можно, Рейн, – спустила я ноги рядом с ним, – я могу не есть семь дней и не терять скорости и силы.

Он бросился так быстро, что я даже отреагировать не успела:

– Ты больше не на улице, – притянул меня за шею к себе.

Взгляд его снова обжигал, как недавний антисептик.

– Зато я с тобой осваиваю новую профессию.

– Долго будешь еще себя жалеть? – сдвинул он брови.

– Что?

– Ты согласилась остаться со мной, – заговорил он жестко. – Никто силой тебя сюда не возвращал. И не надо строить тут обреченную невинность. Мне жаль, что так вышло вчера. Но я готов нести за это ответственность...

– Запихни ее себе!.. – дернулась я. – Если ты думаешь, что, не согласись я, меня бы отпустили по красной дорожке отсюда – хрена с два! Виммер бы запер меня в соседней камере, потому что я уже слишком много знаю! Поэтому не надо держать меня за дуру!

По мере моей тирады он сжимал зубы сильнее, обрисовывая жесткие черты лица:

– Просто поешь, – надавил интонацией, неожиданно ослабив хватку.

– Просто...

– Молча. Не доводи, Энди. Не надо. Нам это обоим не

понравится... Я не прошу многого. Просто поешь.

Не знаю, зачем мне так важно было подводить его к черте, за которую мы оба боялись, что он переступит. И вот только что вернулись оттуда. Я – с новыми письменами на ребрах, он... Он тоже не особо счастливым.

Я же не знала ничего о связях между мужчинами и женщинами нашей расы. Вернее, я знала в теории, что есть истинные пары, есть выбранные друг другом по договоренности. А есть такие, как я – бракованные. Первые понимают, что перед ним истинный, довольно шустро. В таких союзах нет противоречий и проблем – природа позаботилась обо всем. Они, наверное, и в туалет вместе ходят. Вторые мне импонировали больше. Немало было таких, которые не нашли свою половину и сделали выбор без удара гормонов по голове. Гормоны догоняют в таких парах уже по факту слияния, сглаживают острые углы, закрепляют союз... идеально, как по мне. Третьи... Они просто ничего не чувствуют. Теоретики.

Сейчас же я наблюдала нечто, что в учебнике по биологии не описывалось вовсе.

Я коротко кивнула, и он выпустил, поднимаясь.

– Вина?

– Да.

Ужин, как и вино, оказались отменным, а аппетит пришел во время еды. Я даже вымакала всю масленку с ароматным маслом пачкой крекеров, подчеркнуто игнорируя довольный

взгляды Рейна.

– Ты будешь сыр? – нагло подняла на него взгляд.

– Нет, – передал он мне тарелку со смешком.

– Еще вина можно?

– Можно. – Он не спеша налил мне и передал бокал. – Так как ты оказалась в военной академии?

– Я не становлюсь добрее на полный желудок, – лениво поболтала бокал и сунула туда нос.

Потрясающее должно быть вино! Никогда не приходилось пить подобного.

– С тобой вообще ничего не работает, – оскалился он.

– Если думаешь, что все, что нужно самке – крышесносный секс, сытный ужин и антисептик, ты ошибаешься. И, видимо, давно... раз в твоём возрасте с тобой никто не согласился связаться.

– Согласился однажды, – он сделал глоток из собственного бокала.

– И?

– И у меня есть дочь. Ей девять лет.

– А женщина?

– Развелись.

– Дай угадаю – не смогла с тобой жить.

Я не усмехнулась. Почему-то стало не до смеха.

– Не смогла, да, – кивнул.

– Ну еще бы. Раз ты до сих пор так узко мыслишь.

– В некоторых делах я полный ноль...

– Самокритично. – Я допила залпом вино и отползла по кровати к подушке: – Спокойной ночи.

– Спокойной...

Хотелось забиться под одеяло и накрыться подушкой. Близость Рейна продолжала будоражить, и мое подчеркнуто холодное поведение ничуть не остужало огонь между нами. Ему ведь ничего не стоит сдернуть с меня одеяло и взять...

Вино пробрало до жалости к самой себе, и из глаз покапались тихие злые слезы. Я ведь никого к себе не подпускала, готовая драться насмерть за право выбирать, хотя поползновений было достаточно. Только поступив в академию, я выдохнула с облегчением – трущобы с их дикими законами остались в прошлом. Началась другая жизнь – без голода, выживания и домогательств.

Только вчера мне доказали, что мое мнение ни черта не значит, и более сильный самец по мою душу – всего лишь вопрос времени. Я шмыгнула носом, сцепив зубы... голова странно закружилась... а в камере будто выключили свет.

Глава 6

Я только услышал ее всхлип... а потом Энди вдруг вскрикнула и выгнулась. Я в один рывок оказался рядом, но когда схватил ее, девочка замерла, будто парализованная... а потом начала оборачиваться! Медленно, мучительно, незнакомо... пока у меня на руках не оказалась большая черная хищница. Когда я решил, что не мешало бы позвать на помощь, она вдруг резво вывернулась и бросилась к моему горлу.

Всякое со мной бывало. Кто только ни кидался на меня с намерением порвать... Наверное, это и спасло. Я перекатился с ней по кровати, схватив за горло, и тряхнул со всей силы: – Энди!

Зверь замер и напыжился. Но стоило встретиться с ним взглядом, меня поразило осознанием – слишком дикий, неменяемый и злой. Мы, конечно, не ладим, но ни одна самка не кинется на самца вот так в открытую... даже бракованная! Да и... у нее же нет зверя вовсе! Какого черта?!

Но разбираться было некогда. Зверь Энди прижал уши и зарычал, а я отшвырнул ее в сторону и ушел в собственный оборот, даже не сняв штанов. Эта бестия, само собой, ждать не стала, и, едва я пришел в себя, обнаружил ее зубы у себя на загривке.

Хорошенькие брачные игрища у нас выходили! Скинуть

Энди с себя и повалить на спину стоило трудов. Она царапалась, клала зубы впустую и не очень, но опыта противостояния у нее не было. Я хоть и старался ее не угробить, потрепал изрядно, пока сбил уверенность в том, что ей так можно.

Комната превратилась в поле боя – разбитые тарелки, клочки постели и вещей. Энди забилась в угол, продолжая скалиться и рычать, но в животном взгляде уже ясно читалась паника, и я отступил к дверям, чтобы не провоцировать хищницу на отчаянные действия. Так мы и разошлись по разным углам. Она еще порычала с полчаса, потом принялась вылизывать пострадавшую шкуру, поглядывая на меня и шипя на каждое мое движение. Пришлось улечься и отвернуться от нее – она мне больше ничего не сделает, но это ни черта не радовало.

Мысли взрывались от вопросов – уж слишком все не так. Ее длительный ломаный оборот говорил, что с этой самкой по-прежнему что-то не так, а неменяемый взгляд зверя пугал настолько, что мне самому на животном уровне хотелось убратся. Только я не мог. Когда позади все стихло, я бесшумно развернулся...

Она спала, все так же в звериной ипостаси. Светлые стены рядом измазаны кровью, и это обеспокоило – вдруг я сильно навредил? Нужно было срочно вызывать помощь, чего бы это ни стоило.

На мое движение Энди предсказуемо снова зарычала –

пришлось повысить голос и пройти вдоль стенки к шкафу. К счастью, ее нервы не сдали – не кинулась. А я смог спокойно обернуться и вытащить из-под кровати рюкзак с мобильником.

Харт взял трубку не сразу.

– Прости за беспокойство, но с Энди все плохо. – Теперь, когда слышал свой собственный голос, понимал, что он дрожит от страха... за нее. – Нужен кто-то проверенный... Она обернулась.

– Черт, – вздохнул он. – Понятно все.

Я повернулся, вжимаясь спиной в стенку. Энди не спускала с меня взгляда, но огня в нем заметно поубавилось. Теперь зверь выглядел несчастно и взерошено.

– У нее, возможно, кровотечение.

– Почему?

– Мы подрались – она кидалась на меня.

Харт напряженно засопел в трубку:

– Сейчас все решим. Я перезвоню.

Я попробовал приблизиться к ней, но на мою попытку она снова вздыбила шерсть и зарычала.

– Энди, – позвал я, опускаясь на колени. – Ты ранена, позволь осмотреть...

Бесполезно – кошка снова вскинулась и заметалась вдоль противоположной стены, оставляя кровавые следы. Я выругался, беспомощно наблюдая за ее паникой. В настоящем виде я ее не уложу, а в зверином – ничего не сделаю.

Но помощь пришла довольно быстро. Я не позволил врываться бригаде из медцентра, встретив их в коридоре. После недолгих раздумий решено было усыпить Энди стандартным транквилизатором. Когда ее вытащили на носилках, у меня внутри все перевернулось. Я оборвал любые уговоры остаться в камере – стало плевать на все!

– Я тут по своей воле, – зарычал врачу в лицо. – И я не могу оставить свою женщину истекать кровью непонятно где!

Мозги отказали напрочь! Я поставил под угрозу все, к чему шел эти месяцы. Смысл жизни сейчас лежал на операционном столе, окруженный врачами. Я смотрел на происходящее через стекло, прикованный наручниками к трубе – все, что могли сделать для сохранения имитации моего заключения. Энди обернулась почти сразу, как только ее усыпили, и стали понятны источники кровотечения – я порвал ей кожу между лопаток, когда пытался усмирить...

– Рейн... – Харт вошел в комнату, когда Энди зашили. – Как она?

– Сказали, ничего страшного, – глухо отозвался я. – Зашили рваную рану между лопаток.

– Понятно...

– С ней что-то не то, – процедил.

– С моей то же самое, – огорошил он меня. – Мы особо не распространяемся...

– Что? – обернулся к нему.

– Они оборачиваются в ответ на гормональный всплеск и

душевный надлом, – устало начал объяснять он. А я даже не поблагодарил, что Харт примчался ко мне ночью. – Когда я присвоил Донну, она начала оборачиваться. Ужас в том, что она не помнит ничего. Сознание в такие моменты спит.

Я слушал, не веря ушам:

– И как вы теперь?

– Гуляем по утрам, – пожал он плечами. – Потихоньку адаптируется... Самое страшное было, когда меня забрали, и она осталась одна. Зверь в таком состоянии мог натворить что угодно, потому что Донна уже хотела остаться, несмотря на мои обещания. Но она справилась. – Харт помолчал, давая мне время усвоить. – Это тяжело для нее, Брайт. Ей понадобится поддержка. Твоя.

Я еле протолкнул ком в горле, замирая внутри и снаружи. Осознание собственной самонадеянности парализовало. И как Виммеру удастся пользоваться всех безнаказанно? То, что происходило между мной и Энди, не укладывалось в голове даже у меня, хотя я был уверен, что готов нести ответственность за случайные жертвы. Как так выходило, что, находясь рядом, я только увеличивал количество шрамов на ее теле вместо того, чтобы оградить ее от опасности?

– Она бросилась на меня, – покачал я головой, болезненно хмурясь.

– Ты ее пугаешь. Надо что-то менять...

– А ты что поменял? – посмотрел прокурору в глаза.

– Я договорился. Обещал, что отпущу.

– Правда? – удивился я, усмехнувшись.

– Делать было нечего – Донна ненавидела меня за наш первый раз и за то, что не предоставил выбора. Я не мог так продолжать.

– Отпустил бы?

– Я не знаю. – Он вздохнул. – Но она в это верила. А ее вера – все, что у меня оставалось. Надо с чего-то начинать, Брайт.

Врач показал из зала знаком, что они закончили.

– Я прикажу отвести тебя в камеру и верну ее тебе, – сообщил Харт и направился к выходу.

* * *

Проснуться удалось не сразу. Тело в первый вдох наметнуло, что пока спала, мной кто-то отбил какой-то особенно острый угол. Между лопатками прострелило болью, мышцы возопили с требованием оставить их в покое и не напрягать вовсе, а вместо вдоха с губ сорвался стон, и я перевернулась на спину.

– Энди, – слышалось хриплое рядом, и я с трудом разлепила глаза, напоминая себе, что раз жива, надо возвращаться в боевой режим.

Рейн сидел рядом на краю кровати и протягивал мне чашку... с водой.

– Кажется, мне нужно что-то покрепче, – прохрипела я,

хмурясь.

Он помог усесться и сунул чашку мне в руки, хмуро приказав:

– Пей.

– Что случилось? – повела я плечами. – Я напилась с двух бокалов и билась спиной в двери? – Только тут заметила пластырь на сгибе локтя, и по спине прошел холодок, ударив болью между лопаток. – Что случилось? – еле выдавила, требовательно глянув на Рейна.

– Ты обернулась ночью в зверя, – отвел он взгляд и направился к небольшому столику у стенки.

Только тут обратила внимание, что в воздухе висит стойкий запах антисептиков, и что он слишком навязчив для одноразового акта обработки поцарапанных ребер. Суть его слов не дошла вообще.

– Если тебе показалось, что я слишком страстно тебе отвечала – тебе показалось, – огрызнулась я, направившись ползком к краю кровати. – Зачем у меня повязка на спине? Ты крови, что ли, никогда не видел?

Рейн невозмутимо вернулся ко мне с целым внушительным набором для обработки, подцепил под руку и рывком уложил на живот. Взбрыкнуть не позволил, усевшись сверху.

– Ты обернулась ночью зверем, – подцепил свободной рукой рубашку и сдернул до самой шеи. – И бросилась на меня. Я тебя поранил...

И, пока я ошалело замерла, содрал повязку.

– Твою мать! – взвыла я, дернувшись. – Рейн, ты головой не бился последнее время? Я не оборачиваюсь! У меня диагноз. Я неполноценная!

– Теперь оборачиваешься. – И он принялся обрабатывать кожу. – Болит что-нибудь?

– Проще спросить, что не болит... – отстраненно отозвалась я, моргая перед собой. – Может, нам что-то подлили в пойло?

– Нет.

– Я... была зверем?

Рейн вздохнул, слез с меня и нагнулся достать из-под кровати ноутбук. Через несколько минут передо мной прокручивалась ускоренная видеозапись происходившего в камере. Я видела, как отвернулась к стенке... а потом вдруг задержалась в конвульсиях, будто у меня припадок. Рейн попытался меня поднять, но я прямо в его руках начала оборачиваться...

Меня парализовало от такого дикого страха, какого я даже не припомню. А я-то точно знала все его степени и вариации – вплоть до отчаяния приближающейся смерти.

– И ты меня покусал?..

Я с трудом верила в то, что говорила, не в силах оторваться от нашего противостояния с Рейном. Он обернулся зверем и бросился на меня...

– Да, – захлопнул он ноутбук. – Завтракать пойдем.

– Ты... чувствуешь вообще что-то? – поднялась я. – Я

только что узнала, что оборачиваюсь и ни черта не помню!

– Ты не одна такая, есть другие...

– О, это все меняет! – воскликнула, соскакивая с кровати. – И как у них дела? Они счастливы каждое утро находить себя искусными и в повязках?!

Он обернулся ко мне как раз, когда я подскочила вплотную и зарядила ему кулаком в грудь. Хорошо вышло... Только он едва пошатнулся.

– Какого ж черта! – заорала ему в лицо. – Будто мне мало было! – И я толкнула его, ударяясь в истерику. – Лучше бы ты загрыз!

Я принялась лупить его в грудь, как грушу, а он только мрачнел все сильнее, но стойко терпел. Кажется, мы нашли друг друга в этот момент. Мне надо было выплеснуть злость, а ему, видимо, стойко принять последствия того, что он сделал. Я же видела, что ни черта ему не все равно.

– Кто тебя так бить учил?

Все, что угодно ожидала от него – что даст сдачи, закроет в ванной, запихнет под холодный душ, трахнет еще раз в конце концов... Но не такого вопроса. Я аж замерла от неожиданности.

– Что? – хрипло выдохнула, тяжело дыша. Волосы спутались на лбу, и я раздраженно смахнула их с глаз.

– Ты дерешься, как девчонка.

В ответ я зарядила ему со всей злости в солнечное сплетение. И осталась бы довольна, если бы не его снисходитель-

ное качание головой.

– Что?!

– Ты кидаешься, как котенок, – посмотрел он мне в глаза.

– Да? – зло выдохнула я, облизав пересохшие губы. – А как надо?

Он с пару секунд прожигал меня взглядом.

– Ты на улице так привыкла – кинулась раз и деру. Так и тут. У тебя каждый удар – последний. Только веса у тебя для такого удара маловато. Выбить из равновесия – раз плюнуть. – Я слушала, не веря ушам. Он что, учить меня драться решил? – А в Академии работают одни идиоты по технике боя – лучше вообще забыть все, чему там тебя учили. Если учили вообще.

– Нормально меня учили! – набычилась я. – Я складываю мужиков!

– Что-то незаметно, – усмехнулся он. – Не злись. Пробуй присесть сильнее, а не кидаться. Ты ставишь на скорость. Но когда найдется тот, кто быстрее – тебе конец.

– Я и так тебе в грудь дышу! – возмутилась.

– Будешь бить ниже грудной клетки. Пробуй.

Ох, как хорошо же было пробовать! Я разошлась не на шутку – так все клокотало внутри, а Рейн не уклонялся, изображая из себя грушу для битья – встречал мои удары лишь напряжением мышц. Я видела – не такая уж и безобидная для него, но, видимо, он решил позволить мне хоть как-то выплеснуть ярость...

Сердце колотилось в груди, дыхание сбивалось, кожа взмокла, но остановиться было невозможно. Я билась в него все слабее, не позволяя себе сдаваться... никогда не позволяла... И Рейн терпел... до той поры, пока я не сделала выпад к его горлу.

Он легко уклонился и, зайдя за спину, прижал меня к себе... А потом все как-то крутанулось внутри – ярость и агрессия сдались Рейну за один вдох. Меня будто замкнуло и тряхнуло так, что аж перед глазами потемнело. И единственной опорой и точкой возврата остался Рейн. Я сама схватилась за его шею и выгнулась, встав на носочки. Не знаю, то ли решила себя добить, то ли у меня совсем с головой стало плохо... Из груди вырвалось недовольное рычание, но я не успела испугаться – Рейн сдался следом. Пальцы на ногах подогнулись от острого удовольствия, и я запрокинула голову, подставляя шею его губам.

Грудь снова прошило бархатным рыком – его? моим? Я уже не понимала. Рейн прижал меня к себе сильнее и понес к кровати. Почему-то казалось, что он зол... Когда его пальцы сжались в кулаки на простыни, я развернулась к нему лицом: – Не хочешь меня? – Хотела бросить это ему со злостью, но вышло какое-то жалкое мяуканье. Значит, только для пользования гожусь?

В ответ Рейн склонился ниже, до боли сжимая пальцы в моих волосах:

– А ты не видишь? – прорычал в губы.

– Не вижу, – дернулась, намереваясь выползти из-под него, но он развернул лицом в простынь и рванул штаны с моих бедер.

– Я покажу, – уперся в затылок, а я даже порадовалась, что он не видит моего лица. Потому что от чувственного прикосновения его жестких пальцев между ног глаза сами закатились, и я выгнулась. Голова закружилась, в груди сладко заныло и скрутилось карамельной спиралью до самого живота. Как я сдержалась, чтобы не начать умолять Рейна меня трахнуть, осталось загадкой. Внутри я уже выла и выпрашивала продолжения, только нежности его вдруг осточертели. То, что этот горный кот вдруг обнаружил в себе умение быть ласковым, вызывало лишь злость.

– Не надо меня гладить! – процедила на его особенно трогательное касание языком где-то в области ямочек на поянице.

– А то что? – усмехнулся он с вызовом. – Побьешь меня?

– Сволочь! – взвилась я, вскакивая на четвереньки, но даже не поняла, как он так меня схватил, что я оказалась лицом к нему на его коленях.

– Бешеная! – оскалился он, шлепая меня чувствительно по заднице и рывком насаживая на член. Я задохнулась от чувств и эмоций, отчаянно цепляясь за его плечи. Как же это неправильно, стыдно, обидно... и невыносимо хорошо! Забывшись, я раскрыла глаза и сразу попала в плен его дикого взгляда. Это он меня не хотел?! Черта с два! Он не про-

сто хотел – он с ума сходил от голода! И не мог его контролировать – обхватил меня за ягодицы, не давая инициативы, и, осторожно приподняв, вернул назад. Простое движение, которое разорвало мой мир на две части. Я вскрикнула и доверчиво вжалась в Рейна, позволяя ему управлять. Он – взрослый опытный самец, с чего мне сопротивляться? Его руки вдруг показались лучшим местом, голова снова закружилась, а между ног задрожало от близкого оргазма, и так это оглушило, что разнесло весь мир вокруг. Остался только Рейн и я – голая, ободранная до сердцевины, преданная всеми и доверчиво дрожащая от разрядки в его руках...

Наконец, его нежность перестала злить – шершавые пальцы трогательно стерли слезы со щеки, и я, не сопротивляясь, поддалась нажиму и позволила втянуть себя в поцелуй. Ответная дрожь мужчины оттенила его нежность звериным рычанием и новыми царапинами на заднице, но мне было плевать. Растаяв окончательно, я растеклась по его груди и закрыла глаза, наслаждаясь временной пустотой в голове. Рейна, кажется, тоже приложило – он откинулся со мной на спину и затих, все также осторожно удерживая меня за пострадавший зад.

Очередной глубокий вздох разогнал плотную завесу тумана в голове. Я выпрямилась, часто моргая на мужчину, которого оседлала. От моих ударов на его коже обрисовались воспаленные следы. Возможно, оставлю ему горсть мелких синяков, но это не радовало. Теперь то, что он позволил мне

вызвериться, казалось неподъемным авансом. И вообще все это казалось адом, который он обещал. Такой контраст эмоций выматывал. Я то убить его хотела, то выгибалась и урчала похотливой кошкой, стоило ему намекнуть на новый акт случки...

Когда его руки ожили на ягодицах, я вздрогнула и слезла с него:

– Я в душ.

– Ты не сможешь сама, – поднялся он следом. – Повязка.

– Обмоюсь по пояс, – спустила ноги с кровати и направилась к дверям ванной.

– Я помогу, – послышалось сзади, и на ручку дверей легла его ладонь, преграждая мне путь.

Захотелось дернуться и снова его ударить, но взгляд прикипел к узорам вен и шрамов между его пальцев. Сколько силы в них было... и они еще остались способны на ту нежность, что он пытался через них мне передать?

– Оставь в покое, – повернулась к нему и вздернула подбородок, чтобы смотреть в глаза. – Я хочу остаться в покое...

– Я не хочу тебя оставлять, – дернул он ручку, открывая мне двери. – Я хочу быть с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.